

Денисов Александр Альбертович — главный конструктор СИС «Лабиринт», старший научный сотрудник Института конструкторско-технологической информатики РАН, кандидат технических наук.

Денисова Елена Васильевна — руководитель СИС «Лабиринт».

Хомяков Валентин Александрович — сотрудник СИС «Лабиринт».

Aleksandr A. Denisov — Institute of Engineering and Technological Informatics of the Russian Academy of Sciences.

Elena V. Denisova — SIS “Labyrinth”.

Valentin A. Khomyakov — SIS “Labyrinth”.

Цель и характер постиндустриальной войны.

Универсальный классификатор войны

В работе [1] был представлен закон сохранения генеральной цели и семь следствий из него, представляющих важнейшие составные элементы новой теории постиндустриальной войны как управления эволюцией в военных целях. В настоящей статье эта тема должна быть развита до схемы универсального классификатора постиндустриального вооруженного конфликта, создающего «конкретику» под вы-

шеназванный закон сохранения, привязывая его «к земле» и тем самым развивая проблематику до уровня операционных планов и инструкций.

Субъекты и носители постиндустриальной войны

В [2] были описаны два «предельных» субъекта военного и военно-политического конфликтов в постиндустриальном обществе. Ими оказались

УДК 355.01

В статье введены понятия «субъект» и «носитель постиндустриальной войны». Показано, что носителем этой формы вооруженной борьбы является популяция как особый тип структурной единицы социальной организации. Предложены два вида классификаторов войны как управления эволюцией в военных целях, соответствующих локальной и глобальной формам постиндустриального конфликта.

Ключевые слова

Постиндустриальная война, субъект и носитель постиндустриальной войны, классификатор войны, локальные популяции, нетократия.

носители двух типов топологических структур памяти самоосознания, названные «тип А» (соответствует аналитическому мышлению с операцией анализа в качестве первичной познавательной процедуры) и «тип Б» (соответствует синтетическому мышлению, то есть использует как первичную познавательную процедуру операцию синтеза).

Оба топологических типа являются выражением двух видов задач позиционного осознания — прямой и обратной. Прямая задача в математической форме записывается как

$$Я_1 \oplus \{Я^1\} \rightarrow Я_2. \quad (1)$$

Обратную задачу выражает измененная форма уравнения (1):

$$Я_2 \oplus \{Я^1\} \rightarrow Я_1. \quad (2)$$

Соответственно различию обеих задач возникает и два топологических вида ячеек памяти динамического самоосознания: тип А (рис. 1) и тип Б (рис. 2). (Подробно с физическим смыслом используемых выражений можно ознакомиться в работах [2, 3].)

Полная психическая несовместимость носителей самоосознания, обладающих двумя названными типами ячеек памяти, является фундаментальной первопричиной того, что примирение, временный союз или хотя бы частичный нейтралитет между ними невозможен в принципе. И в этом смысле их конфликт является един-

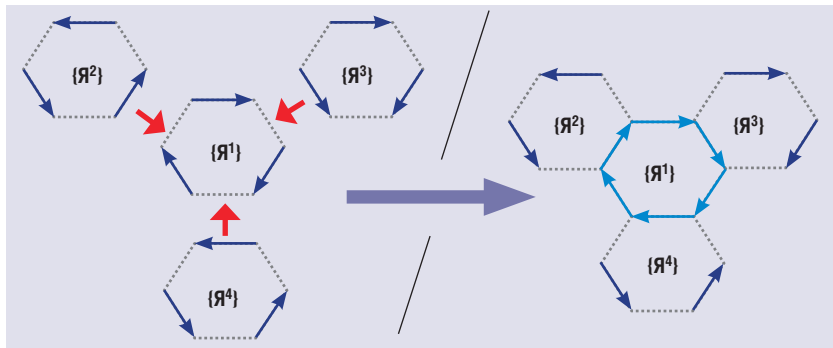
ственным устойчиво воспроизводимым (явным или скрытым) фактором во всех без исключения военных, военно-политических и иных видах конфликтов постиндустриального типа.

Теперь нужно выявить носителя постиндустриальной войны.

Субъект и носитель войны суть две принципиально различные категории теории постинду-

Рисунок 1

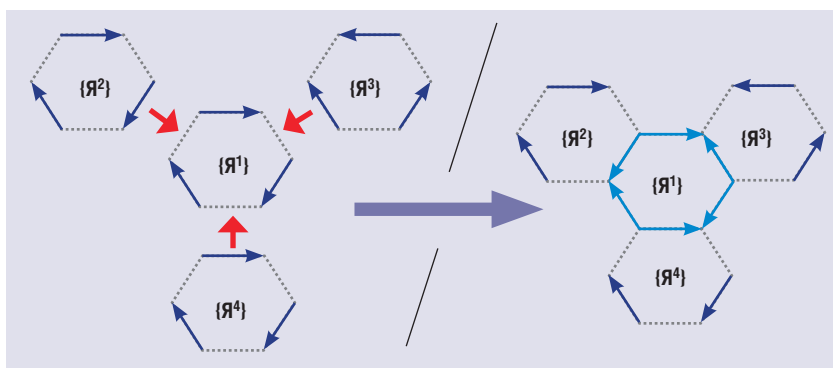
Схема формирования сложной ячейки памяти самоосознания {Я¹} типа А на основе прямой задачи позиционного осознания

Источники: [2, 3]

Рисунок 2

Схема формирования сложной ячейки памяти самоосознания {Я¹} типа Б на основе обратной задачи позиционного осознания

Источники: [2, 3]

Purpose and Nature of Post-Industrial War. Universal War Classifier

The article formulates the law of the general goal preservation as an analogue of the physical laws of conservation, which is used in designing complex systems with self-awareness, exceeding a researcher in perfection. Seven consequences from this law are presented, which are used for combat planning and management in the post-industrial war conditions. The principle of operation and the role of psychogenic plague as a binary genetic and epigenetic weapon in managing evolution for military purposes are described.

Keywords

Post-industrial war, theory of war, evolution management, physical and mental spaces of the planet, scientific-technological model, universal classifier of war, system engineering.

стриальной войны. Субъект — это организованная группа лиц, обладающая целевым единством деятельности, которая использует войну как социальное явление для реализации на практике своего фундаментального естества — жить.

Применительно к постиндустриальной войне ее субъектами являются топологические типы А и Б. Оба типа вступают в непримиримый конфликт между собой, чтобы обеспечить себе жизнь в плане физического, психического и социального продления существования за счет уничтожения другого, что предполагает достижение монополии на проецирование себя в будущее в смысле передачи последующим поколениям своих моделей поведения. Эта монополия и была определена выше как реализация на практике своего фундаментального естества — жить.

➤ **Для ведения постиндустриальной войны нужно вести военное планирование и управление по всей экологической системе, в которую входит человеческое сообщество-мишень.**

Носителем же войны является организованная социальная структура, возникшая вследствие осуществления субъектом войны своей социальной активности и обеспечивающая этому субъекту его существование в вышеназванном смысле, а также используемая им в качестве системного инструмента ведения войны. *(Носитель может сохранить свое существование в случае победы любого из субъектов. Могут измениться конкретные условия его бытия в зависимости от победителя, но жить он так или иначе будет.)*

В индустриальную эпоху периода межотраслевой конкуренции капитала субъектом империалистических войн был национальный капитал, стремившийся насильственными методами выйти за границы национального государства, которое он же сам и породил. А национальное государство выступало в качестве носителя империалистической войны.

Точнее, субъектом империалистической войны была группа лиц, которая создала промышленный капитал на отдельной территории *(превратив тем самым эту территорию и населяющую ее человеческую популяцию в государство-нацию)* и управляла развитием этого капитала,

стремясь спроецировать в будущее свои модели поведения.

Государство-нация выступало, с одной стороны, в качестве системы-носителя дерева генеральной цели этой группы, через которую промышленный капитал себя реализовывал. С другой — оно же, приобретя собственную волю и коллективное самоосознание, обрело и тенденцию к самоподдержанию образа жизни и моделей поведения взаимосвязанной совокупности профессионально-сословных групп, составляющих это государство.

Таким образом, национальное государство как порождение национального промышленного капитала выступало в качестве источника активного влияния на капитал. Однажды возникнув, оно начало принуждать капитал к сохранению *status quo*. В итоге сложилась неразрывная общность промышленного капитала и национального государства — субъекта и носителя империалистических войн. Ярким примером такой общности является Германия времен Второго и Третьего рейха [4].

Итак, субъекты постиндустриальной войны определены [2, 3]. А кто является носителем этой формы войны?

Еще раз напомним, что с точки зрения технологического содержания постиндустриальная война представляет собой управление эволюцией в военных целях. При этом следствие 5 из закона сохранения генеральной цели указывает [1], что система — носитель генеральной цели не обладает способностью к саморазвитию или самодеградации. В связи с этим важнейшими средствами поражения в постиндустриальной войне служат комбинированные воздействия на все виды сред, поддерживающие полный жизненный цикл систем — носителей генеральной цели.

К подобным средам относятся в том числе различные виды живых организмов, с которыми устанавливается симбиотическое или конфликтное взаимодействие сообщества людей, подвергающегося военной атаке. По сути для ведения постиндустриальной войны нужно вести военное планирование и управление по всей экологической системе, в которую входит человеческое сообщество-мишень.

В различные исторические периоды в качестве сообществ-мишеней войны выступали разные общности людей: племена и народы — в доин-

дустриальный период цивилизации, нации — в эпоху империалистического капитализма, идеологические системы — в период загнивающего капитализма, известного под более нейтральным названием «либеральное общество», или «рыночный фундаментализм».

С учетом следствия 5 при переходе к постиндустриальному этапу цивилизации сообществом-мишенью войны становится человеческая популяция. Именно «популяция» — только благодаря введению в новую теорию войны этого термина удается обеспечить унификацию множества разнородных мишеней средового поражения, в качестве которых выступают многочисленные элементы экологической системы, включающей человеческое сообщество как мишень насильственного управления эволюцией.

Действительно, если осуществляется управление эволюцией, то основным объектом приложения этой деятельности является популяция как таковая: человеческая популяция, эволюционными изменениями которой управляет субъект войны, а также популяции других живых существ как составные элементы экосистемы, выступающей объектом приложения средовых средств воздействия.

Наконец, научные представления об эволюции также оперируют понятием популяции (различных видов живых существ) как носителя эволюционной изменчивости.

Таким образом, субъектами постиндустриальной войны являются носители одного из топологических типов структуры памяти динамического самоосознания. А носителем этой формы вооруженной борьбы служит популяция как особый тип структурной единицы социальной организации. Не народ, не нация и не государство — популяция.

В дальнейшем под популяцией как носителем постиндустриальной войны мы будем понимать гомогенизированное по совокупности генетических и эпигенетических признаков сообщество людей, что в понятиях и категориях общественных наук находит выражение в уникальных культурных, исторических, социально-психологических, военно-политических и производственно-экономических особенностях.

При этом развитие или деградация популяции подчиняется закономерностям, близким к закономерностям этногенеза, исследованным Л. Гумилевым. Однако популяция как носитель

войны не сводится к этносу, поскольку Гумилев привязывал этногенез к природным ландшафтам, а постиндустриальная война ведется одновременно в природных, искусственных (техногенных) и смешанных (гибридных) ландшафтах, каждый из которых создает уникальные особенности развивающейся в нем популяции. Кроме того, популяция при решении задач насильственного управления эволюцией может вообще не быть привязана к ландшафту. В этом случае она называется распределенной популяцией.

Локальные популяции

Конечной целью постиндустриальной войны является установление насильственными методами исключительного контроля над скоростью и направлением эволюции локальных человеческих популяций и цивилизации в целом. Соответственно, военный и военно-политический конфликт может иметь локальную или глобальную форму.

В локальной форме постиндустриальной войны ставится задача установления контроля над эволюцией отдельной (чуждой, то есть внешней по отношению к источнику войны) человеческой популяции. Ее называют локальной популяцией.

Локальная популяция может быть привязана к какому-либо ландшафту. И тогда она приобретает классификационную градацию по типу ландшафтов.

В работе [5] была описана трехмерная система классификации количественных свойств нетократии — нового правящего класса постиндустриального общества, содержание войны в котором и является управлением эволюцией насильственными методами. В частности, было показано, что основой шкалирования систем,

описываемых математической моделью динамического осознания (*из которой развивается вся концепция управления эволюцией в военных целях*), является замкнутая метрологическая шкала, а крайние точки шкалы — чистые свойства двух противоположных качеств. Свойства конкретной системы возникают как пропорция смешения двух чистых качеств.

Нетократия — один из двух субъектов постиндустриальной войны, который соответствует чистому топологическому типу Б. Это значит, что для универсального классификатора войны следует использовать тот же метрологический принцип шкалирования, что и для описания свойств нетократии: замкнутую метрологическую шкалу свойств. Тем самым будет обеспечено условие общей унификации классификаторов.

Иными словами, свойства реальной локальной популяции являются производными от смешения свойств популяций, возникших и постоянно проживающих в чистом природном и чистом техногенном ландшафтах (*рис. 3*).

Точка чистого природного ландшафта (крайняя левая на шкале, показанной на *рис. 3*) соответствует свойствам популяции, которая возникла и живет исключительно в природной среде, не применяя никаких искусственных средств и орудий труда и *однократно* (sic!) используя для жизнедеятельности то, что предоставляет мать-природа, при минимальной обработке природных предметов, то есть это теоретический конструкт, такое сообщество (племя) идеальных дикарей, абсолютно не затронутых цивилизацией.

Точка чистого техногенного ландшафта (крайняя правая на шкале) возникает в случае *долговременного* проживания коллектива в условиях абсолютно изолированного искусственного сооружения, например на космической станции или в подземном убежище.

Иными словами, обе крайние точки шкалы ландшафтов носят абстрактный характер, позволяя задать границы этой шкалы. Реальные свойства локальной популяции возникают в результате некоторой комбинации влияний обоих типов чистых ландшафтов.

Помимо этого локальная популяция может иметь еще одну характеристику: она может быть оседлой и кочевой. Оба этих признака также

порождают специфические свойства локальной популяции, отражающиеся на замкнутой шкале между двумя крайними точками «чистых свойств»: абсолютной оседлости и безостановочного бродяжничества.

В результате замкнутая метрологическая шкала свойств локальной популяции дополняется второй координатой (*рис. 4*), и модель популяции превращается в двумерную.

Распределенные локальные популяции

Обобщение опыта реальных военных и военнополитических конфликтов постиндустриального типа позволило сделать вывод о том, что для решения задач разведки, боевого планирования и управления требуется выделять и отдельно учитывать еще один вид локальной популяции, получивший рабочее название распределенной популяции.

Распределенная локальная популяция (или просто *распределенная популяция*) есть особый тип общности людей, характеризующийся выше-названными особенностями локальной популяции, но сформированными не вследствие рождения и длительного проживания в ограниченных ландшафтах, а в силу длительного исключения из таковых.

Рисунок 3

Схема классификации свойств локальной популяции на основе замкнутой шкалы ландшафтов

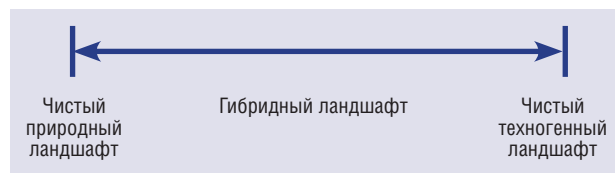
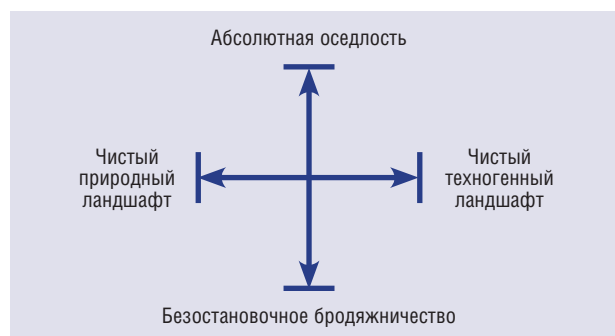

Рисунок 4

Схема классификаций свойств локальной популяции на основе двумерной замкнутой шкалы ландшафтов и мобильности

Распределенная популяция возникает в условиях очень интенсивного психоэмоционального и ментального контроля. Это создает чрезвычайно жесткую тоталитарную форму идентификации членов популяции с высокой внутренней дисциплиной, основанной на постоянной угрозе для нарушителя подвергнуться остракизму, то есть быть изгнанным из числа членов распределенной популяции. Если это произойдет, он будет полностью десоциализирован: из прежней общности его изгнали, а в новую локальную популяцию, привязанную к ландшафту, его никогда не примут, поскольку между распределенной и обычной локальной популяциями существует непреодолимый барьер психической, социальной, экономической и других несовместимостей.

По сути, интенсивные формы индивидуально- и коллективного психологического насилия в распределенных популяциях имеют целью предотвратить влияние ландшафтов на сознание их членов. В этом смысле можно было бы сравнить распределенные популяции с социальными общностями, искусственно конструируемыми для активного противостояния локальным популяциям как порождениям ландшафтов. Это не совсем корректное определение, но в целом оно задает правильное направление интеллектуальных ассоциаций.

Типичный пример распределенной популяции — священничество Римской католической церкви, которое вне зависимости от географического местоположения приходов и монастырей сохраняло религиозно-психологическую, поведенческую, производственно-экономическую и политическую общность, навязанную и поддерживаемую посредством внутренней дисциплины и единоначалия внутри церкви и противопоставляемую местным сообществам (государствам). Это делало церковь изолированной и одновременно надстоящей над порождаемыми ею общественными, политическими, экономическими и военными структурами. Таким образом, для священника отлучение от церкви было хуже смерти, что превращало принадлежность к священничеству в абсолютно безальтернативную форму социального бытия.

Между тем в XIX в. возникла, а после двух мировых войн получила бурное развитие еще одна разновидность популяций распределенного типа. Ее основу составляют организованные группы людей, регулярно перемещающихся с места на место по долгу службы или в поисках работы. С точки зрения культурных, социаль-

но-психологических и производственно-экономических условий они обладают как достаточно высоким уровнем уже сформировавшейся изолированности от ландшафтов, в которых родились, так и низким уровнем включенности в ландшафты, в которых временно проживают.

Первая подобная группа, которая приходит на ум, — сотрудники разного рода международных корпораций или НПО. Каждая из таких организаций стремится создать собственную уникальную систему внутренней мотивации и корпоративной культуры, что при современном уровне технологического влияния на сознание за два — четыре года превращает рабочий коллектив в устойчивую общность, изолированную от местных сообществ.

Другой пример распределенной популяции — беженцы из стран Азии и Африки, которые в последние годы в массовом порядке прибывают в Европейский союз. В основном это молодые люди призывного возраста, культура и социальная психология которых предельно конфликтны по отношению к европейским. Они не имеют мотивации к ассимиляции в местные сообщества, для них характерны выраженные паразитические стратегии социального и экономического поведения. Часто у них есть опыт военных действий, а значит, они приучены к быстрой самоорганизации и принятию командования над собой. При этом беженцы расселяются в городах ЕС закрытыми анклавами, где быстро и профессионально формируются собственные религиозно-идеологические, военно-полицейские и социально-экономические структуры, которые слабо или почти совсем не коммуницируют с местными органами власти и правопорядка.

➤ **Модели связи отклика и свойств популяции, методики их измерений и методы управления ими являются одними из самых строго охраняемых секретов постиндустриальной войны.**

Наконец, третий пример — трудовые мигранты, выезжающие из экономически неблагоприятных регионов и стран на заработки. Начиная с некоторого порога численности эти мигранты, занимающие наименее статусные и низкооплачиваемые рабочие места в регионах временного проживания, в качестве компенсаторных реакций формируют изолированные сообщества с собственными неформальными структурами регулирования отношений, которые за те же два — четыре года приобретают устойчивые признаки распределенных популяций.

Применительно к решению задач разведки, боевого планирования и управления в условиях постиндустриальной войны распределенные популяции имеют две предельные формы: распределенные мобильные и распределенные немобильные.

Распределенная мобильная локальная популяция характеризуется либо непрерывной мобильностью своих членов, либо частыми сменами мест пребывания — если смена места пребывания происходит чаще, чем раз в 1,5 года, сознание человека не успевает приобрести устойчивые признаки, порождаемые местными ландшафтами и проживающими в них сообществами. Типичные примеры — журналисты, работающие в третьих странах или зонах конфликтов, ветераны-наемники ЧВК и ЧРК, некоторые категории бизнесменов, ведущих международные торговые операции в слаборазвитых странах мира. В распределенных немобильных локальных популяциях может вообще не быть никакой значимой мобильности членов либо период их постоянного проживания на одном месте может существенно превышать 1,5–2 года. Однако внутреннее психологическое давление на членов таких популяций настолько интенсивно, что регулярные процедуры возобновления внутренней идентификации постоянно перебивают влияние на них ландшафтов и экономической активности, культуры и психологии местных сообществ.

Используя ранее выбранный метод шкалирования, получим новую шкалу, отражающую изменения свойств распределенных локальных популяций в зависимости от степени мобильности ее членов (рис. 5).

Общий классификатор свойств локальных популяций

Объединим двумерную классификацию локальных популяций (см. рис. 4) с одномерной классификацией распределенных популяций (см. рис. 5). Получится сводная трехмерная модель общего классификатора свойств локальных популяций (рис. 6), полностью унифицированная в метрологическом плане с моделью свойств одного из двух субъектов постиндустриальной войны — нетократии [5] или чистого топологического типа Б [2].

Визуализация этой трехмерной модели имеет форму шара. При этом свойства реальной локальной популяции, в которой могут в разных пропорциях проявляться свойства, порождаемые влиянием ландшафта, мобильностью или изоляцией от ландшафта, отражаются в виде некоторой ограниченной области внутри этого шара.

Однако любая война характеризуется быстрой изменчивостью ситуации на ТВД. Поэтому для

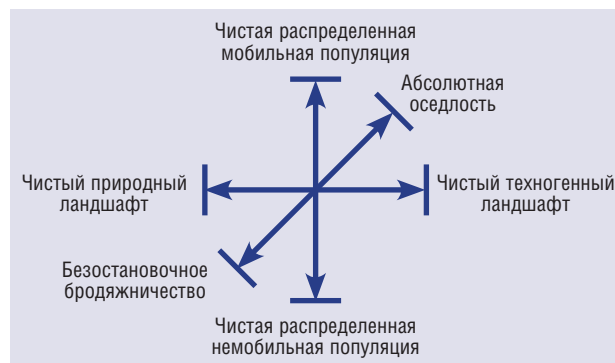
Рисунок 5

Схема классификации свойств распределенной популяции на основе замкнутой метрологической шкалы свойств

Рисунок 6

Общая схема классификации свойств локальной популяции посредством трехмерной системы замкнутых метрологических шкал

эффективного планирования и управления постиндустриальным военным конфликтом в трехмерную модель свойств локальной популяции как носителя войны необходимо ввести еще одну координату — время.

Схема построения динамической модели свойств локальной популяции показана на рис. 7. Модель носит дискретный характер с шагом Δt , что, с одной стороны, определяет методологию решения разведывательных, планировочных и управленческих задач, а с другой — создает «окна» неопределенности, в которых истинное состояние динамического отклика дерева генеральной цели локальной популяции-мишени в общем случае будет неизвестным, поскольку при $t \leq \Delta t$ он, согласно этой модели, *считается* неизменным.

Это значит, что все участники войны будут стремиться освоить и применить такие методы измерения и управления состояниями популяции-мишени, чтобы, эффективно воспользовавшись названным «окном» неопределенности, сделать противника временно ослепшим. Получается нечто вроде циклов Бойда: *в постиндустриальном вооруженном конфликте выигрывает та сторона, чей цикл измерения и управления динамическим откликом дерева генеральной цели популяции-мишени короче, чем у противника.*

При этом следует учитывать, что динамический отклик дерева генеральной цели популяции определяется свойствами этого дерева как функции времени. Иными словами, модели связи отклика и свойств популяции, методики их измерений и методы управления ими являются одними из самых строго охраняемых секретов постиндустриальной войны.

Общий классификатор локальной постиндустриальной войны

Теперь объединим классификации локальных носителей и субъектов постиндустриальной войны. Еще раз напомним, что единственно устойчивым фактором всех явных и скрытых форм постиндустриальных вооруженных столкновений является конфликт двух топологических типов самосознания — типа А и типа Б [2]. Соответственно, гегелевской сущностью этой формы войны является переход от одного топологического типа, выражаемого математическим уравнением (1), к другому типу — уравнение (2). Условно все вышесказанное можно выразить с помощью схемы, показанной на рис. 8, на которой гегелевская сущность войны, то есть

переход от одного топологического типа к другому, символически изображена в виде границы раздела между обоими типами.

Поскольку речь идет об управлении войной, управленческое бытие типа А (для которого характерен анализ как первичная операция познания) можно разделить на два подтипа, использующих два принципиально разных вида процедур управления: нормативное управление и содержательное (рис. 8, а, б).

Нормативное управление наиболее часто встречается как норматив времени, выделяемого на выполнение стандартного действия. В армии он существует, например, в виде уставной скорости передвижения или вероятности поражения цели тем или иным видом оружия. Применительно к экономике нормативное управление проявляется в графиках Ганта, производительности труда, нормативах межоперационных запасов и т.п.

Содержательное управление встречается в проектировании. Например, при разработке лабораторной технологии требуется управлять точными настройками оборудования на основе числовых значений, задаваемых формулой, в то время как при переходе к промышленной технологии числовые значения должны быть заменены диа-

Рисунок 7

Временная шкала дискретных изменений свойств локальной популяции в трехмерной модели

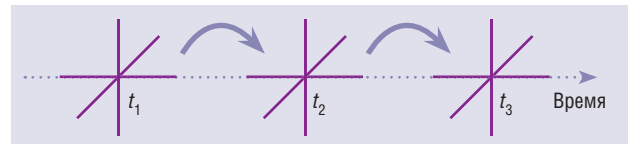
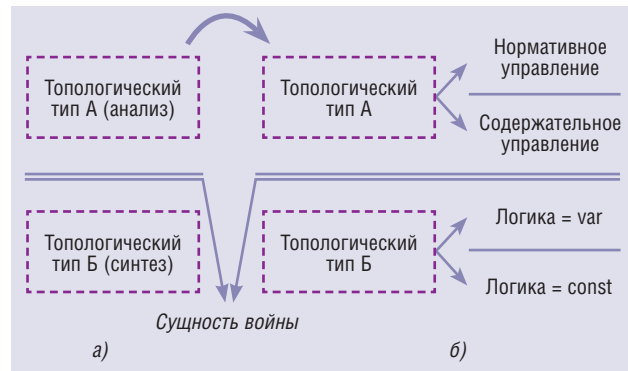

Рисунок 8

Классификация субъектов постиндустриальной войны по признакам управления

пазонами, рассчитываемыми на основе методов теории точности. Иными словами, прикладные ученые оперируют формулами в граничных условиях, а производственники используют ГОСТ. Поэтому, как правило, они совершенно не могут найти друг с другом общий язык.

На войне возникает схожая ситуация. Военный штаб всегда оперирует нормативами, закрепленными уставом — военным аналогом ГОСТов, а политическая разведка — содержанием обсуждений и решений противников и союзников. В итоге войну ведут одни, а управляют ею другие. Отсюда известный афоризм: война — слишком серьезное дело, чтобы поручать ее военным. И это абсолютно объективная ситуация, обусловленная разделением топологического типа А на два подвиды по характеру управления (и, как следствие, на двух операторов войны), показанные на *рис. 8, а, б*.

Метод Гегеля требует точно такого же бинарного разделения и топологического типа Б. Тогда стратификация обоих типов субъектов войны станет унифицированной.

Совершенно очевидно, что тип Б, поскольку для него характерен синтез как первичная познавательная процедура, в отличие от типа А обладает регулярной способностью к свободному синтезу логик управления, то есть совокупностей процедур — нормативных или содержательных, все равно. Иными словами, если тип А неизменно использует одну и ту же логику, раз и навсегда строя на ее базе нормативное и содержательное управление, то тип Б может перестраивать логику, всякий раз создавая новые совокупности нормативов и формул.

Простой бытовой аналог — человек, свободно владеющий и компьютером *Apple*, и РС, каждый из которых требует специфических навыков работы.

На языке современной науки это означает, что тип Б обладает способностью свободно переходить из одной языковой игры (синтаксиса) в другую и свободно же перестраивать эти синтаксисы. Соответственно, тип Б подразделяется на два подтипа. Один может переходить из одного синтаксиса в иной, но не может их свободно проектировать (на *рис. 8, б* это обозначено как «Логика = const»). Другой свободно проектирует синтаксисы («Логика = var»), то есть управляет логической изменчивостью протоколов управления. (Отсюда становится очевидным, что тип А в принципе не может победить в конфликте ни один из подтипов Б, так что исход их борьбы предрешен.)

Если объединить схемы, показанные на *рис. 7 и 8*, во внутренне самосогласованную систему классификации, объединяющую знание о типологии субъектов и носителей войны, можно получить общий классификатор локальной постиндустриальной войны. Однако на этом мы по понятным причинам остановим изложение данной темы.

Глобальная форма постиндустриальной войны и универсальный классификатор войны

Как было показано в [1–3], целью постиндустриальной войны является установление исключительного контроля над эволюцией (1) локальных человеческих популяций и (2) цивилизации в целом. Соответственно, военный и военно-политический конфликт имеет локальную или глобальную форму.

Выше была описана схема построения общего классификатора войны для локальной формы постиндустриального вооруженного конфликта. При переходе к глобальной форме в названный классификатор следует внести по сути одно-единственное, но фундаментальное изменение: нужно перейти от локальной популяции к глобальной. Это предельно трудная, но выполняемая задача.

Концепция управления эволюцией в военных целях основана на понимании популяции как гомогенизированного по совокупности генетических и эпигенетических признаков сообщества людей. Так что придется отказаться от тра-

диционных представлений о гомогенности человеческого вида как такового.

На войне нужно решать конкретные задачи, поэтому нельзя сводить все популяции людей к общему знаменателю, чтобы получить модель глобальной популяции людей. Напротив, требуется четко разделять их по уникальным совокупностям генетических и эпигенетических признаков. А это, в свою очередь, требует перехода к ячеистой модели глобальной популяции, составленной по определенной закономерности из множества разнотипных локальных популяций, свойства каждой из которых описываются посредством общего классификатора локальных популяций.

Таким образом, универсальный классификатор постиндустриальной войны возникает из объединения общего классификатора локальных популяций и той самой закономерности, которая описывает формирование ячеистой структуры глобальной популяции людей, визуализированной в виде схемы. А управление глобальной формой войны требуется осуществлять на основе последовательного установления контроля над эволюцией каждой популяции в отдельности. Но можно создать искусственное «бутылочное горло» сразу для всех людей. Это значит, что ключ к победе в глобальной войне нового общества лежит в технологиях бинарного иммунитета — особой комбинированной форме генетической и эпигенетической устойчивости против так называемой психогенной чумы — нового вида ОМП «Судного дня» [1].

Следует также уточнить, что постиндустриальный конфликт имеет место в условиях технологической сингулярности, то есть принципиальной неосознаваемости [6]. Поэтому основным элементом системы управления им является технология живых машин. Это указывает на то, что универсальный классификатор войны носит

➤ На войне нужно решать конкретные задачи, поэтому нельзя сводить все популяции людей к общему знаменателю, чтобы получить модель глобальной популяции людей.

вспомогательный характер, позволяя систематизировать «прошлое», то есть данные об уже происшедших событиях на ТВД, но не дает возможности их надежного прогнозирования. Тем не менее люди типа А используют и всегда будут использовать картину мира, в которой прошлое определяет будущее. В этом смысле типу Б для того, чтобы систематизировать действия противника, будет принципиально важно применять универсальный классификатор войны. Но, повторимся, он не обеспечит стратегического преимущества в войне.

ПЭС 18117 / 27.08.2018

Источники

1. Денисов А.А., Денисова Е.В., Хомяков В.А. Цель и характер постиндустриальной войны. III. Закон сохранения генеральной цели // *Экономические стратегии*. 2018. № 7. С. 92–99.
2. Денисов А.А., Денисова Е.В. Цель и характер постиндустриальной войны. II. Два «предельных» стратегических субъекта // *Экономические стратегии*. 2017. № 8. С. 132–147.
3. Денисов А.А., Денисова Е.В. Цель и характер постиндустриальной войны. I. Модель памяти динамического самосознания // *Экономические стратегии*. 2017. № 7. С. 78–93.
4. Сэсюли Р. ИГ Фарбениндусти / Пер. с англ. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1948.
5. Денисов А.А., Денисова Е.В. Конструирование абстрактных сознаний. Часть 1. Модель конечного пользователя // *Информационные войны*. 2013. № 1.
6. Денисов А.А., Денисова Е.В. Управляемая конфронтация: война в зоне сингулярности // *Экономические стратегии*. 2014. № 8. С. 110–125.

References

1. Denisov A.A., Denisova E.V., Khomyakov V.A. Tsel' i kharakter postindustrial'noi voyny. III. Zakon sokhraneniya general'noi tseli [Purpose and Nature of Post-Industrial War]. *Ekonomicheskie strategii*, 2018, no 7, pp. 92–99.
2. Denisov A.A., Denisova E.V. Tsel' i kharakter postindustrial'noi voyny. II. Dva "predel'nykh" strategicheskikh sub"ekta [The Aim and Nature of Post-Industrial War. Two "Ultimate" Strategic Subjects]. *Ekonomicheskie strategii*, 2017, no 8, pp. 132–147.
3. Denisov A.A., Denisova E.V. Tsel' i kharakter postindustrial'noi voyny. I. Model' pamyati dinamicheskogo samoosoznaniya [Purpose and Nature of Post-Industrial War. Memory Model of Dynamic Self-Awareness]. *Ekonomicheskie strategii*, 2017, no 7, pp. 78–93.
4. Sesyuli R. *IG Farbenindustri* [IG Farbenindustrie]. Moscow, Gos. izd-vo politicheskoi literatury, 1948.
5. Denisov A.A., Denisova E.V. Konstruirovaniye abstraktnykh soznaniy. Chast' 1. Model' konechnogo pol'zovatelya [Constructing Abstract Consciousness. Part 1. End User Model]. *Informatsionnye voyny*, 2013, no 1.
6. Denisov A.A., Denisova E.V. Upravlyayemaya konfrontatsiya: voyna v zone singulyarnosti [Controlled Confrontation: War in Singularity Area]. *Ekonomicheskie strategii*, 2014, no 8, pp. 110–125.